

Разумеется, после захвата власти большевиками ситуация кардинально изменилась. «Запрещённые» дни остались в прошлом, а церковные праздники утратили прежний правовой статус. Поначалу самим театральным труппам предоставлялось решать, когда им играть. В первые годы после революции газеты сообщали об отсутствии спектаклей на Страстной неделе, основанием для этого служили постановления органов самоуправления артистов⁵². В конце 1920-х гг. давление на Церковь усилилось. И если на Пасху 1928 г. большая часть театров, включая все академические, всё ещё была закрыта, то на следующее Рождество в Ленинграде не работали только академические театры (за исключением БДТ), но и на их сценах давали представления и концерты различные артистические коллективы⁵³. Наконец, в пасхальные дни 1929 г. функционировали уже все театры, представления давались утром и вечером, причём в ночь на Пасху спектакли начинались с 22 часов и имели тот или иной антирелигиозный оттенок⁵⁴.

⁵² Хроника // Обозрение театров. 1918. 23 апреля; Отдых для артистов на Пасху // Жизнь искусства. 1919. 15 апреля; Петроградское Театральное Отделение // Там же. 1920. 3–4 апреля.

⁵³ Программы ленинградских театров с 9 апреля по 15 апреля 1928 года. [Приложение к журналу «Жизнь искусства». 1928. № 15]; Кульптоход ЛОСПС // Жизнь искусства. 1928. № 52. С. 19; Программы с 24 декабря по 30 декабря. [Приложение к журналу «Жизнь искусства». 1928. № 52].

⁵⁴ Работа театров в пасхальные дни // Жизнь искусства. 1929. № 14. С. 14; Не в 7 ¹/₂, а в 10 час. вечера // Там же. № 18. С. 20; Программы с 1 по 12 мая. [Приложение к журналу «Жизнь искусства». 1929. № 18].

Репатриация казаков-эмигрантов из Европы в 1920-е гг.

Олег Ратушняк

The Cossack emigrants' repatriation from Europe in the 1920s

Oleg Ratushnyak (Kuban State University, Russia)

Значительные перемены в общественно-политической жизни советского/российского общества в конце 1980-х – начале 1990-х гг. способствовали введению в научный оборот тем, остававшихся ранее вне поля зрения отечественной историографии. Одним из объектов исследований стало Российское зарубежье. В то же время, несмотря на многообразие посвящённых ему публикаций, некоторые аспекты данной проблематики ещё недостаточно раскрыты. Так, репатриация российских эмигрантов почти не освещалась в отечественной историографии¹: первые специальные исследования появились в 2008–2009 гг.², а в ряде общих работ иногда затрагивались лишь некоторые стороны этого вопроса³.

© 2015 г. О.В. Ратушняк

¹ Бочарова З.С. Современная историография российского зарубежья 1920–1930-х годов // Отечественная история. 1999. № 1. С. 91–102; Сабенникова И.В. Российская эмиграция 1917–1939 годов: структура, география, сравнительный анализ // Российская история. 2010. № 3. С. 58–60, 75–77; Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 годов // Там же. С. 101–109.

² Галас М. Еду я на родину... Советская репатриация и её государственно-правовое регулирование // Родина. 2008. № 6. С. 96–98; Симонова Т. Возвращенцы. Репатриация в Советскую Россию до 1925 года // Родина. 2009. № 4. С. 26–29.

³ См., например: Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов // Русский мир в XX веке. В 6 т. / Под ред. Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Т. 2. М., 2014.

Значительную часть репатриантов составляло казачество, поэтому исследования российских историков середины 1990-х гг., связанные с проблемами казачьего зарубежья, пусть недостаточно подробно, но всё же затрагивали тему реэмиграции (казаков. – *О.Р.*) в начале 1920-х гг., её политических и правовых основ, судеб реэмигрантов в Советской России. Вместе с тем она была раскрыта в меньшей степени, чем, например, вопрос об общественно-политической жизни казачества⁴. Представить более подробно происходивший в 1920-е гг. процесс возвращения на родину казаков-эмигрантов из стран Европы является целью данной статьи.

По окончании Гражданской войны из Советской России эмигрировали около 35–40 тыс. донцов, 20–24 тыс. кубанцев и 2–3 тыс. терских и астраханских казаков. Однако практически с первых дней заграничной жизни начался процесс их возвращения на родину, который условно можно разделить на пять этапов. Первым стала неорганизованная (стихийная) реэмиграция беженцев, прибывших в Европу из Крыма. Даже те, кто мог тогда остаться в России, не опасаясь большевистских репрессий, поддались общему настроению и покинули берега своей страны. Многие из них уже в море осознали ошибочность такого шага и, высадившись в Константинополе или других портах Балканского полуострова, сразу стали искать возможность вернуться домой. По-видимому, это были в основном жители Крыма и близлежащих районов, одиночки, не связанные ни с армией, ни с другими беженцами. Возможно, среди них находились и казаки, но предположение о том, что там было значительное число людей, скреплённых станичными и фронтовыми узами, довольно сомнительно. Эмигранты пытались самостоятельно добраться до родных краёв сухопутными или водными путями, воспользовавшись помощью рыбаков и контрабандистов. Начавшееся возвращение в РСФСР такого количества соотечественников оказалось неожиданным для советского правительства⁵, что, видимо, и заставило его приступить к организации приёма репатриантов.

Переходным моментом от стихийной реэмиграции к официальной можно считать конец 1920 – начало 1921 г., когда французские власти приступили к перевозке казаков из чаталджинских лагерей на остров Лемнос. Этому предшествовали столкновение между французами и казаками, а также попытка самосуда над генералом А.Г. Рубашкиным и другими офицерами, которых станичники сочли инициаторами переезда на «остров смерти». По прибытии на Лемнос подавляющая часть казаков отказалась сойти на берег, потребовав от французского командования отправить их в Россию. Во избежание конфликта оно пошло на уступки и содействовало переезду всех желающих в Новороссийск⁶. По версии же командующего русской армией генерала П.Н. Врангеля, изложенной им в письме верховному комиссару Франции генералу М. Пелле, «на пароходах, везущих донских казаков на Лемнос, велась открытая агитация (представителями французских властей. – *О.Р.*). Казаков убеждали не верить своему командному составу, не верить офицерам, которые их обма-

⁴ *Пронин А.А.* Указ. соч. С. 107. Исключение составляет статья Я.А. Перехова, содержащая идеологические клише начала 1980-х гг., помешавшие автору всестороннее проанализировать заявленную проблему (*Перехов Я.А.* О реэмиграции казачества (1921–1925 гг.) // *Известия СК НЦ ВШ. Общественные науки.* Ростов н/Д, 1983. № 2. С. 67–72).

⁵ *Симонова Т.* Указ. соч. С. 26.

⁶ *Лунченков И.* За чужие грехи (казаки в эмиграции). М.; Л., 1925. С. 25–26.

нывают и скрывают горькую правду. Всё де уже кончено, как в России, так и здесь. На Лемносе их ждёт голодная смерть. Предлагалось не терять времени даром – не сходить на берег, а на этих же пароходах отправиться на родину, в Советскую Россию»⁷. По словам Врангеля, замешкавшихся в нерешительности казаков окружила французская охрана и объявила их возвращенцами. С этого момента с парохода никого не выпускали, хотя некоторые, передумав, пытались сойти на берег, а самые отчаянные прыгали в воду и вплавь достигали острова.

В начале января 1921 г. командующий французским оккупационным корпусом генерал Ш. Шарли в приказе комендантам находившихся в Турции лагерей для российских беженцев и интернированных лиц объявил: «Одной из главнейших задач в настоящее время является, возможно, скорейшая эвакуация на постоянное жительство русских беженцев, как гражданских, так и военных, которые бы пожелали вернуться на родину... Точно так же в каждом лагере, как гражданском, так и в военном, должны разыскиваться беженцы... которые бы выразили желание вернуться в Россию. Им должно быть сообщено, что приняты меры для того, чтобы им были предоставлены гарантии личной безопасности в случае, если они могли бы быть направлены в один из портов Советской России»⁸. Шарпи опасался, что командование русской армии будет препятствовать реэмиграции. По его мнению, «с этой точкой зрения надлежало считаться лишь в такой мере, чтобы не слишком резко ей противиться. Действительно необходимо, чтобы русское командование сохранило известный авторитет для того, чтобы помочь нам поддерживать порядок и дисциплину, но при условии, конечно, чтобы этот авторитет не препятствовал бы нам в деле эвакуации беженцев»⁹.

В феврале 1921 г. первая крупная партия репатриантов – около 3 600 человек (преимущественно казаков) – на пароходе «Решид-Паша», конфискованном у Турции французскими оккупационными властями, прибыла из Константинополя в Новороссийск. Большинство возвращенцев не было расстреляно или репрессировано (по крайней мере, сразу), вопреки тому, что часто писали эмигрантские газеты того времени и постоянно упоминали некоторые отечественные историки постсоветского периода¹⁰.

В середине марта французские власти жёстко поставили перед генералом Врангелем вопрос об эмигрантах. Казакам под угрозой прекращения выплаты довольствия предложили выбрать дальнейшие способы существования, одним из которых называли отправку в РСФСР. Этот ультиматум заставил Врангеля ответить в том же жёстком тоне. В очередном письме Пелле генерал заявил: если французское правительство откажется нести затраты на содержание воинских частей и гражданских беженцев, начнёт настаивать на распылении русской армии и отправке эмигрантов в Советскую Россию, то он будет вынужден просить перевезти его армию в один из пунктов Черноморского побережья, где каждый воин с оружием в руках защитил бы свою жизнь. У Врангеля было двойное отношение к репатриации. С одной стороны, он желал избавиться от лиц, деморализующих русскую армию, с другой – «официальное одобрение главнокомом возвращения на родину внесло бы полную дезорганизацию в армей-

⁷ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 185, л. 4–5.

⁸ Там же.

⁹ Там же, л. 3–4.

¹⁰ Авдеев В. Загадка «Решид-Паши». Заметки историка // Диалог. 2001. № 1. С. 69–78.

скую среду, и без того разлагаемую самим пребыванием в лагерях»¹¹. Поэтому генерал всячески препятствовал отъезду на родину военных, чего не делал по отношению к гражданским беженцам.

Примерно в таком же положении находились различные политические деятели, казацкие атаманы, правительства и организации. Большое число казаков-эмигрантов придавало политический вес их руководству, но оно (как и командование русской армии) не имело морального права мешать отъезду казаков домой, поскольку не было средств для их обустройства, и ограничивалось в основном публикацией сообщений о тяжёлой жизни в России, зверствах и репрессиях большевиков в отношении возвратившихся туда казаков.

В то же время французское правительство, тяготившееся содержанием огромной массы беженцев, делало всё, чтобы по возможности большее их число вернулось в РСФСР. В частности, их убеждали в хорошем отношении советской власти к репатриантам, благополучной ситуации, складывавшейся на их родине.

Нельзя упускать из виду и субъективную сторону процесса репатриации. Среди оказавшихся за границей казаков насчитывалось немало пожилых людей, женщин и детей – они были оторваны от семей, оставшихся в Советской России, и желали с ними воссоединиться. Большая часть этих людей, конечно, сомневалась в полной амнистии, хотя не доверяла слухам о поголовных расстрелах, была готова к некоторым лишениям, «мытарствам»¹² и стремилась отправиться в родные края. В результате в феврале 1921 г. в РСФСР вернулись около 4.5 тыс., в марте – более 5.5 тыс. казаков. Многим предлагали работу на нефтяных промыслах в Батуме (за лето туда уехали ещё около 2 тыс. казаков) и по окончании двухлетнего контракта в случае возвращения на прежние места проживания обещали полную амнистию. В том же году с Лемноса и из Турции на родину вернулись: донцов – 8 891, кубанцев – 3 270, терцев – 200¹³. Наряду с организованными отправками беженцев в Россию не прекращался и поток нелегальных. Количество тайных возвращенцев (в основном мелкими группами), прибегнувших к помощи рыбаков, контрабандистов, а также нелегально перешедших границу, установить невозможно, к тому же многие из них погибли в пути.

К августу 1921 г. французское правительство, отягощённое материальными заботами об эмигрантах, решило привлечь к участию в расходах на их содержание другие государства. 7 мая на заседании Совета Лиги Наций представитель Франции поднял вопрос об избрании верховного комиссара по делам русских беженцев. Ранее (20 февраля) та же проблема была затронута в обращении к Лиге Наций представителя Международного комитета Красного Креста Э. Фрика, предлагавшего вменить в обязанности верховному комиссару обеспечение правового положения беженцев; содействие им в поисках работы за границей или в возвращении на родину; объединение существовавших мер, направленных на оказание помощи эмигрантам. Однако только 27 июня 1921 г. Совет Лиги Наций принял решение о необходимости избрания верховного комиссара, основная задача которого состояла в согласовании деятельности пра-

¹¹ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). М., 1994. С. 45–46.

¹² ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 808, л. 88–89 об.

¹³ См.: Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922 гг. Белград, 1924. С. 160; *Падалкин А.* Сколько донских казаков в эмиграции? // Станица. Париж, 1939. С. 7.

вительственных и частных организаций разных стран в деле урегулирования проблемы беженцев (20 августа этот пост занял Ф. Нансен).

На проходившей 16–19 сентября 1921 г. в Женеве конференции представителей правительств, заинтересованных в поисках выхода из ситуации с беженцами, было принято постановление о том, что основной целью верховного комиссара должно быть окончательное решение данного вопроса (а не благотворительная помощь), в связи с чем репатриация признавалась наиболее радикальным средством. Правда, на той же конференции единогласно приняли решение, по которому никто не мог быть возвращён в Россию против своей воли. Интересно, что через год на очередной конференции Лиги Наций по тому же поводу вновь разгорелась ожесточённая дискуссия¹⁴. Однако до мая 1922 г. дело репатриации практически не сдвинулось с мёртвой точки.

Осенью 1921 г. французы прекратили организованную отправку эмигрантов за свой счёт и начался третий этап репатриации казаков (нелегальный), продолжавшийся до лета 1922 г. Процесс их стихийного выезда – в основном через Румынию, Болгарию, Турцию, Грецию и Польшу – не поддаётся учёту (известно только, что из Болгарии тогда выехали около 1 тыс. донских казаков)¹⁵.

Одной из основных причин невозможности открытой, официальной репатриации стала ситуация, сложившаяся в самой России. Советская власть объявила всем рядовым участникам Гражданской войны полную амнистию в связи с 4-й годовщиной Октябрьской революции, однако многие западноевропейские правительства и Лига Наций отнеслись к заявленному настороженно и, естественно, не торопились за свой счёт решать проблему беженцев. В среде же последних участились случаи недовольства. Дело в том, что все оказавшиеся за границей случайно и не имевшие веских причин там оставаться уже вернулись домой, остальные ждали, когда сложится более благоприятная для этого обстановка. Однако даже Нансен не спешил выполнять поставленную перед ним задачу. По его мнению, высказанному 15 марта 1922 г. Совету Лиги Наций, «было бы невозможно и несправедливо при настоящих условиях предлагать возвращение домой более или менее значительному числу беженцев». То же он повторил двумя месяцами позже в докладе Совету Лиги Наций, добавив: «Предпочтительно, чтобы беженцы оставались в Центральной или Западной Европе, как бы тяжело ни было их положение»¹⁶.

Однако в мае 1922 г. ситуация резко изменилась. С одной стороны, советское правительство стало делать более энергичные шаги в деле репатриации российских беженцев, с другой – среди эмигрантов стало набирать силу сменовеховское движение¹⁷. Оно охватило различные слои российской эмиграции и «нашло отклик в казачьей среде... на уровне бессознательного патриотизма

¹⁴ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 185, л. 9–14.

¹⁵ Падалкин А. Указ. соч. С. 7.

¹⁶ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 185, л. 14–15.

¹⁷ Такое имя оно получило по названию сборника «Смена вех», изданного в июне 1921 г. в Праге и явившегося обобщением идей и настроений, характерных для части российской эмиграции. Отправным пунктом сменовеховской мысли было признание установления в России советской власти, как писал один из идеологов данного направления Н.В. Устрялов, силы, «единственной, способной в данный момент править страной, взять её в руки». То, что не получалось «свалить» власть большевиков, заставляло верить в возможность сотрудничества с ней на благо родины. Правда, собираясь восстанавливать могущество России совместно с советской властью, некоторые идеологи сменовеховства надеялись на её внутреннее перерождение (*Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 64*).

и тоски по Родине», затронув «в первую очередь рядовых казаков, а затем и казачью интеллигенцию», начался четвёртый этап их репатриации в Советскую Россию¹⁸.

В различных странах стали организовываться Союзы возвращения на Родину (Совнароды) и подобные организации. Наиболее активно действовал Совнарод в Болгарии. Этому способствовали, во-первых, болгарское правительство А.С. Стамболийского, заинтересованное в уменьшении числа российских эмигрантов в стране, во-вторых, Болгарская коммунистическая партия, активно боровшаяся за «изгнание» врангелевцев и установление дружественных отношений с РСФСР. По инициативе компартии 6 мая 1922 г. в Софии состоялось собрание российских эмигрантских групп (большинство в них представляли казаки), на котором фактически и был учреждён Совнарод. Уже к осени в него входило 65 групп общей численностью 5 300 человек. Основной целью союза было «скорейшее возвращение организованным порядком в Россию всех русских граждан, примирившихся с советской властью»¹⁹. Совнарод издавал газету «На родину», распространял листовки, проводил собрания, где сообщались сведения о жизни в Советской России и велась агитация за возвращение беженцев домой. 30 мая и 25 июня венскому и константинопольскому представительствам РСФСР были направлены ходатайства об организации бесплатной репатриации для всех членов союза.

Одновременно активизировал деятельность и комиссариат по делам русских беженцев при Лиге Наций. Прежде всего это было связано с исчерпанием средств иностранных благотворительных организаций, отпущенных на решение проблем эмигрантов, в то время как мероприятия комиссариата почти не решили вопрос их устройства. И тогда как единственный выход из создавшегося положения вновь стали рассматривать репатриацию. К тому времени РСФСР была признана де-факто. Рапалльский договор, заключённый ею с Германией 16 марта 1921 г., стал главным прорывом внешнеполитической блокады Советской России; с ней подписали торговые соглашения Англия (16 марта), Германия (6 мая), Италия (26 декабря). 5 июня 1922 г. это сделала Чехословакия. В результате в июле 1922 г. Нансен и заместитель наркома по иностранным делам РСФСР М.М. Литвинов заключили соглашение, по которому верховный комиссар по делам русских беженцев обязался принять на себя организацию их репатриации и связанные с ней расходы. Речь шла о возвращении только уроженцев Дона, Кубани и Терека, относительно которых Москва подтверждала полную амнистию. Хотя она объяснила свой выбор наиболее благоприятным экономическим и «санитарным» положением казачьих районов²⁰, в действительности причина была иной – именно там большевики стремились в первую очередь повысить авторитет советской власти.

С января 1922 г. в Болгарии действовало отделение созданного годом раньше в Константинополе Общеказачьего сельскохозяйственного союза (ОСХС). В лице своих руководителей П.Р. Дудакова и А.П. Булацеля он первоначально выступил против Совнарода. Однако впоследствии обе организации сблизились, начав совместную деятельность по репатриации русских. Газеты «На

¹⁸ *Перехов Я.А.* Сменовеховство и казачья эмиграция // Возрождение казачества. Ростов н/Д, 1995. С. 75.

¹⁹ *Чернявский Г.И., Даскалов Д.* Судьба русской белоэмиграции в Болгарии // История СССР. 1961. № 1. С. 112, 119.

²⁰ ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 185, л. 16.

родину» и «Вестник земледельца» (печатный орган ОСХС в Болгарии) объединились – в итоге была учреждена газета «Новая Россия» (один из редакторов – Булацель)²¹, лозунгом которой стал сменовеховский призыв: «Через познание новой России – к примирению с ней».

Среди методов агитации за возвращение в Советскую Россию использовались обращение «К войскам белых армий» генералов Я.А. Слащёва, А.С. Секретева, воззвание других генералов и офицеров (всего 62 подписи), декларации казаков 1-й Донской Дольно-Ореховской станицы (77 подписей) и чинов бывших белых армий (более 48 подписей). Во всех документах указывалось, что советское правительство является единственной законной властью, признанной народом; констатировалось полное крушение идеологии Белого движения; осуждались всякие попытки борьбы против РСФСР и выражалась готовность перейти на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию²². Эти призывы, подписанные известными деятелями Белого движения, вызвали значительный резонанс среди российских эмигрантов – как гневные проклятия, так и сочувственные отклики.

Особое же значение агитаторы придавали сообщениям, полученным от уже вернувшихся на родину и описывавшим (в противовес белоэмигрантским известиям) радушное отношение советской власти к репатриантам. Актом гражданского характера стала отправка в Россию в ноябре 1922 г. 24 членов ОСХС во главе с М.П. Адамовичем, избранных на общеказачьем съезде в Софии. Официальной целью данной поездки было «ознакомиться с условиями жизни в новой России и выяснить возможности организованного возвращения казаков и крестьян домой»²³. Советское же правительство использовало приём делегации для активного внедрения идей реэмиграции в казачьей среде.

Месяцем раньше в Болгарию прибыла Миссия Российского общества Красного Креста (РОКК) во главе с И.С. Корешковым, после чего началась организованная массовая реэмиграция казаков. Сначала они частично или полностью оплачивали свой проезд, но с января 1923 г. Совнарод приступил к бесплатной репатриации больших групп беженцев. Всего при помощи РОКК из Болгарии выехали около 5 тыс. донцов, более 1 300 кубанцев и некоторое количество терцев. Следует отметить: если в 1922 и 1923 гг. выезжало примерно равное количество донцов – по 2,5 тыс. человек, то кубанцев – 200 и 1 100 человек соответственно. Это объяснялось тем, что большинство кубанцев находились в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (КСХС), и им требовалось время, чтобы добраться до Софии или Варны. Достоверной информации по терцам, к сожалению, найти не удалось.

Деятельность Совнарода в Болгарии явилась толчком к развитию репатриационного движения в других странах. Аналогичный союз, например, был образован во Франции. Кроме того, казаки возвращались домой через афинское, венское и константинопольское полпредства РСФСР, куда съезжались из КСХС, Венгрии, Румынии и других стран. Через репатриационный лагерь, находившийся в Чехословакии, на родину выехали около 4 тыс. казаков²⁴.

²¹ Лунченков И. Указ. соч. С. 92.

²² Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 76–77.

²³ Уведённое казачество возвращается в Россию // Огонёк. 1923. № 7. 13 мая. С. 14.

²⁴ См.: Лунченков И. Указ. соч. С. 87–98; Падалкин А. Указ. соч. С. 8; Шкаренков Л.К. Указ. соч. С. 76–78.

Однако процесс репатриации не во всех странах проходил столь быстрыми темпами, как в Болгарии. В КСХС, где были сильны монархические настроения и располагался штаб генерала Врангеля, Совнарод не действовал. Поэтому проживавшие там казаки могли легально уехать в Советскую Россию только через Болгарию, но и в этом случае всё было не так просто. В ноябре 1922 г., например, выстрел белогвардейского офицера-эмигранта оборвал жизнь редактора газеты «Новая Россия» А.М. Агеева – активного организатора репатриационного движения в Болгарии. А после совершённого в ней переворота 9 июня 1923 г. пришедшее к власти правительство А.Ц. Цанкова прекратило репатриацию, распустив ОСХС и запретив деятельность Совнарода. Многие участники последнего и сотрудники Миссии РОКК подверглись репрессиям: большинство из них арестовали, а позже депортировали в СССР.

В июне 1923 г. из Болгарии выслали в Советский Союз около 1 300 донцов и некоторое количество кубанцев – членов Совнарода. Фактически тогда начался пятый (полулегальный) этап реэмиграции. Одна часть беженцев возвращалась домой официально – при помощи советских миссий РОКК и полпредств СССР в Афинах, Вене, Франции, Константинополе, другая – пыталась добраться самостоятельно, преимущественно незаконно, в основном на небольших рыболовецких судах. Таким образом, из Болгарии, к примеру, в июле 1923 – октябре 1924 г. выехали ещё около 600 казаков.

Работа советских представителей по возвращению эмигрантов активизировалась после того, как Франция и другие государства установили с СССР дипломатические отношения. Так, во Франции Совнарод был основан только в середине ноября 1924 г. Однако подавляющее число возвращавшихся из неё эмигрантов были преимущественно солдатами Русского экспедиционного корпуса²⁵. Казаки среди них составляли небольшой процент – в силу особенностей географии их расселения за рубежом. К тому же в большинстве они надеялись хорошо устроиться во Франции и остаться навсегда. Тем не менее за пять последующих лет оттуда выехали или были высланы в СССР более 3 тыс. донцов, примерно 1.5 тыс. кубанцев и часть терцев²⁶, а к 1929 г. процесс их реэмиграции фактически завершился. Отдельные представители казачества выезжали в Европу из СССР и позже, но это существенно не влияло на численность диаспоры. В 1929 г. за границей ещё находились около 15 тыс. донцов, 12 тыс. кубанцев и 1 тыс. терцев. В дальнейшем, вплоть до Второй мировой войны, менялась только география их расселения: постепенно покидая Германию, Польшу, Турцию, Финляндию, казаки осваивали Францию, Чехословакию, Австралию, США, Канаду и некоторые страны Южной и Центральной Америки.

²⁵ Бочарова З.С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат Русского экспедиционного корпуса // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 56–57.

²⁶ Падалкин А. Указ. соч. С. 8–9.